

Юньци вывел своих двух племянников из императорского кабинета, и ноги Чжу Гаочи предательски задрожали. Прихрамывая, он добрался до укромного уголка в императорском саду и испустил долгий вздох. Его лицо побледнело, и, опираясь на дерево, он тяжело задышал.

— Дядюшка... — Чжу Гаосюй робко обнял Юньци за талию и прижался головой к его груди.

Юньци изначально хотел хорошенько отругать Чжу Ди и Чжу Гаочи, но, видя состояние Гаосюя, почувствовал жалость и был вынужден сдерживать гнев. Холодным тоном он произнес:

— Зять твёрдо решил, что даже если Юньвэнь захочет убить вас обоих, я всё равно стану ценой своей жизни вас защищать?

У Чжу Гаочи словно камень свалился с плеч. Он улыбнулся и сказал:

— Да, дядя.

В душе Юньци бушевал гнев, которому он не мог найти выхода. Мужчина лишь кивнул и произнёс:

— Отлично, он угадал. Мне действительно придется вас двоих защищать.

— Сначала отведу вас отдохнуть, — раздражённо бросил Юньци. Взяв младшего на спину, он направился вглубь императорского гарема.

Чжу Гаочи поспешно поковылял за ним. Юньци на ходу отдавал им распоряжения:

— Юньвэнь приказал вам сначала остаться здесь. Хотя он пока не устанавливал никаких ограничений на передвижение, но ведите себя осмотрительно и не бродите по дворцу где попало.

— Хорошо, дядя. Будем все делать так, как ты скажешь.

— А где слуги, которых вы привезли из дома?

— Ждут за пределами дворца.

Дойдя до зала Цинъянь, Юньци приказал:

— Раз уж они остались за воротами, то пусть и не входят. Обращайтесь к дворцовым управляющим. Всё остальное я устрою для вас сам...

Гаосюй, нахмутив брови, спросил:

— Почему?

— Не спрашивай. — Чжу Гаочи остановил расспросы младшего брата и кивнул: — Хорошо.

Юньчи тихо добавил:

— Мне всё равно, что вы слышали дома, но обо всём, что связано с Пекином, здесь запрещено говорить. У стен есть уши, понимаете?

Не дожидаясь ответа хромого, Юньци подозвал нескольких евнухов у входа во дворец, внимательно осмотрели их и выбрал того, кто показался ему честным и простоватым. После того, как отдал распоряжения, он обратился к Гаочи:

— Здесь раньше жила императрица Ма. Можете отдыхать здесь. Попозже я пришлю Саньбао присмотреть за вами.

Так двоих братьев и оставили одних в императорском гареме. Юньци ещё немного подумал, но, собравшись с духом, ушёл.

Чжу Гаочи был зрел не по годам и понимал, что титул наследника князя у подножия трона Сына Неба — не более чем пустой звук. Его родной отец без устали строил козни, с энтузиазмом* готовя мятеж в далеком в Пекине, и то, что они с братом, прибыв в столицу, всё ещё пользовались подобными привилегиями, было целиком заслугой покровительства Юньци.

* Досл. «жаркий огонь направляется в небо» (□□□□).

Если бы не распоряжения этого самого приближенного лица императора, вполне возможно, что обоих братьев повсюду встречали бы презрительными взглядами и насмешками.

Сумерки сгущались. Юньци ненадолго выехал из дворца, устроил служанок, привезённых братьями Чжу из Пекина, и лишь тогда, всё ещё охваченный тревогой, вернулся в свою комнату отдохнуть.

— Юнь-гэ-эр. — Жун Цин, держа в одной руке миску, а другой постукивая палочками для еды о подоконник, сказал: — Кушать подано.

Юньци в полудрёме пробормотал:

— Что за еда?

Жунцин перечислил названия блюд и спросил:

— Ты заболел? Принести тебе в комнату?

Юньци ответил:

— Собери коробку с едой и положи туда свежих побегов бамбука и мангустинов. Ещё приготовь половину рыбы на пару, аккуратно выбери все кости, полей кунжутным маслом и попроси Саньбао отнести моим племянникам.

Жун Цин ахнул:

— Приехали сыновья князя? Братья, которые были на дежурстве, сегодня как раз об этом упоминали...

Юньци нетерпеливо бросил:

— Иди, иди. Не разглагольствуй, Лао-цзы ужасно хочет спать.

Жун Цин улыбнулся:

— Я оставлю тебе еду и пойду...

Юньци ещё немного поспал, как вдруг почувствовал, что уголок его губ стал холодным. Он подсознательно провёл по нему рукой и нащупал чей-то мягкий пальчик.

В полудреме Юньци повернулся лицом к стене и продолжил спать.

За окном раздался лёгкий стук, и Юньци недовольно пробурчал:

— Жун Цин! Ты что там делаешь? Хватит лазить, как мартышка!

В тот же миг он услышал приглушённый смех, и этот же голос проговорил словно сам с собой:

— Фигурки из теста?

«...»

Юньци до смерти перепугался. Он быстро повернулся, сел и увидел, что неизвестно когда

появившийся в комнате Чжу Юньвэнь тянет свои пальцы к фигуркам из теста, воткнутым в оконную раму.

Это были как раз те самые фигурки, которые им слепил кто-то на мосту, пока они с Тоба Фэном стояли плечом к плечу как дураки, когда Юньци ездил в Пекин навестить родных.

Человечки из теста уже высохли и потрескались. Чжу Юньвэнь разглядывал их при свете лампы. Оpozнав одного из них, он усмехнулся и спросил:

— Это ты? А кто этот парень рядом?

Юньци начал:

— Это мой ши...

Но вдруг он насторожился. История с Тоба Фэном была чрезвычайно запутанной, и то, что несколько лет назад Чжу Ди послал Тоба Фэна убить Чжу Юньвэня, сейчас ни в коем случае нельзя было раскрывать. Пока он раздумывал, как ответить, Чжу Юньвэнь уже приложил силу, чтобы потянуть за фигурку, желая снять ее и рассмотреть получше.

Юньци поспешно сказал:

— Эта безделушка плотно закреплена... Юньвэнь, не дергай её...

Чжу Юньвэнь потянул её, и голова «Тоба Фэна» тут же с глухим стуком отвалилась, закатилась под шкаф и исчезла.

У Юньци ещё не утихло раздражение от того, что его разбудили. К тому же он очень дорожил этими двумя фигурками из теста, поэтому тут же вспылil, воскликнув:

— Я же сказал не трогать!

Чжу Юньвэнь испуганно отдернул руку и смущённо покосился на Юньци.

«...»

Спустя долгое время.

Юньци потер лоб. Не зная, смеяться ему или плакать, он сказал:

— Ваше Величество, прошу прощения, ваш слуга вышел за рамки дозволенного.

Чжу Юньвэнь с облегчением вздохнул и сказал:

— Я... позже склею её обратно для тебя. Ты заболел? Когда я вечером зашёл проведать Гаочи, то случайно встретил твоего слугу, которого ты послал с едой. Он сказал, что ты не ужинал, вот я и пришёл тебя проведать.

Юньци откинул одеяло, освободив место на краю кровати. Юньвэнь, улыбаясь, сел.

Юньци ответил:

— Забыл тебе сказать. Того человека зовут Саньбао. Это слуга, которого прислала моя старшая сестра. Она настояла, чтобы я взял его с собой в столицу.

Чжу Юньвэнь кивнул и сказал:

— Хорошо. Вырежи ему пропускной жетон и скажи, что я разрешил ему войти. В следующем году, когда во дворце будут выбирать прислугу, пусть войдет в мой дворец.

В тот раз Юньци прокричал от всей души и только сейчас почувствовал легкую опаску. Он неуверенно посмотрел на Чжу Юньвэня, тот взглянул на него, и внезапно между ними возникло молчаливое понимание. Оба одновременно рассмеялись.

Свет масляной лампы падал на постель. Юньци сидел, поджав колени, и спросил:

— Что говорили мои племянники?

Сюй Юньци был в легкой рубаше и коротких штанах, с голыми ногами. Под тонкой белой тканью угадывались очертания тела молодого мужчины. Кожа Юньци была чистой и светлой, плечи широкими, руки длинными, а телосложение стройным. Несколько пуговиц на его одежде без подкладки были расстегнуты, обнажая ключицы и грудь. Две линии бровей, прямые, словно мечи, резко взлетали к вискам, и хотя его черты не могли сравниться в раскованности и отваге с чертами Тоба Фэна, в них была особая воинская элегантность, свойственная наследникам образованных генеральских семей.

Чжу Юньвэнь настолько засмотрелся, что не нашелся что ответить.

Когда Юньци сладко спал, то думал только об удобстве. Он долго пролежал на кровати ничком, и теперь, проснувшись, его лицо покраснелось. Он натянул одеяло, прикрыв вздувшиеся в промежности короткие штаны. Чжу Юньвэнь сглотнул слюну и невольно поднял руку, кончиками пальцев коснувшись лица Юньци.

«??»

Озадаченный, Юньци спросил:

— Что такое?

Он схватил Юньвэня за пальцы, но государь — Сын Неба нынешней династии — склонился вперед, и его нежные губы слегка приоткрылись, собираясь поцеловать Юньци. Тот поспешно пролепетал:

— Юньвэнь... нет, подожди.

Чжу Юньвэнь схватил его за запястье. Юньци, как человек, обученный боевым искусствам, был тяжел на руку и мог запросто оттолкнуть Чжу Юньвэня. Однако сейчас, когда император проявлял настойчивость, было неудобно дать ему пощечину, поэтому Юньци осталось лишь отвернуться, покраснев до корней волос. Чжу Юньвэнь взобрался на кровать, обнял Юньци за плечи и принялся осыпать его ухо поцелуями.

— Юнь-гэ-эр... Юнь...

— Юньвэнь, выслушай меня. Нет, Юньвэнь...

Юньци торопливо оттолкнул Чжу Юньвэня. Не зная, смеяться ему или плакать, он сказал:

— Ведите себя прилично. Ваше Величество, я всего лишь телохранитель!

— Юньвэнь!

— Не двигайся! Чжэнь приказывает тебе...

Что чжэнь приказывает? Покорно подчиниться?

Юньци тут же оказался в крайне неловком положении.

Чжу Юньвэнь обнял Юньци за талию, прижался головой к его крепкой груди, вдыхая мужской аромат его тела, и не удержался от слов:

— Юнь-гэ, я...

Юньци нахмурил брови и низким голосом произнёс:

— Юньвэнь, мы с тобой в детстве... хоть и всегда были вместе, но... рано или поздно это нужно было сказать. Я всегда относился к тебе как к младшему брату... и у меня никогда не было других помыслов, Юньвэнь...

Холодные руки Чжу Юньвэня легли на пресс Юньци, отчего тот невольно вздрогнул. Хотя Юньци не питал романтических чувств к Чжу Юньвэню, после таких непрерывных ласк, да ещё и спросонья, его нижняя часть тела тоже отреагировала, затвердев и набухнув.

Руки Чжу Юньвэня непрерывно опускалась ниже, приближаясь к промежности Юньци. В конце концов тот не выдержал, резко оттолкнул Чжу Юньвэня и гневно воскликнул:

— Ваше Величество!

— Я всего лишь телохранитель и не смею преступать правила приличия, — сказал Юньци.

Чжу Юньвэнь уже совершенно потерял голову и в отчаянии проговорил:

— Я назначу тебя генералом!

Юньци фыркнул со смеху, сказав:

— Юньвэнь, у Юнь-гэ уже... есть любимый человек. Ты — государь, тебе нужно будет жениться, завести наследников, назначить императрицу. Как ты можешь быть отрезанным рукавом?

Этот смех Юньци прозвучал для Чжу Юньвэня как гром среди ясного неба. Он будто в мгновение рухнул в бездонную пропасть. Надолго потеряв дар речи, юноша почувствовал, словно улыбка Юньци преобразилась в усмешку.

— Я... Юньвэнь, мы никак не можем быть вместе. — Юньци серьёзно сказал: — К тому же, я тебя недостоин... Юньвэнь!

Чжу Юньвэнь, пошатываясь, выбежал за дверь. Юньци сбросил одеяло и рванул за ним, но, сделав пару шагов, остановился.

«Ладно, пусть идёт, — подумал Юньци, — рано или поздно всё должно было проясниться.»

Этой ночью Юньци разрешил важное дело и почувствовал невероятное облегчение. В темноте он съел две большие чашки риса, вытащил из-под шкафа голову фигурки Тоба Фэна из теста, смочил её слюной, приклеил обратно и с удовлетворением снова лёг спать.

План Чжу Юньвэня по принудительному соблазнению провалился, и вместо этого его вежливо

отвергли*. Было доподлинно неизвестно, насколько ему было тяжело и рыдал ли он по возвращении во дворец, однако все поистине «решает время и удача»*.

* Досл. «карточка «хороший парень» (□□□) — обр. «отправить во френдзону».

* □□□□□ — цитата Лу Мэнчжэна, чэнсяна эпохи Северная Сун. Если человек рождён не в подходящее время, он может не достичь успеха. Хотя время и судьба неотвратимы, удачу можно приобрести.

Император несколько дней кряду не выходил на утренние приёмы, и все чиновники были в отпуске.

Юньци, закинув ногу на ногу, сидел во внутреннем дворе Терема Танцующего Тумана. Он наливал себе вино и ел закуски, пока Чунь Лань в центре двора, засучив рукава и с бамбуковой палкой в руках, под звуки «хлоп-хлоп» тренировала юную проститутку игре на цине.

Чунь Лань, словно тигрица, заносчиво приказывала:

— Сыграй мелодию побогаче и благороднее.

Юная проститутка была очень напугана и поспешно, как велено, провела пальцами по струнам.

Чунь Лань с упрёком сказала:

— Сую Юньци, тебе в самом деле не занимать наглости. Совсем не боишься, что император упрячет тебя в тюрьму?

Юньци улыбнулся и ответил:

— Он не такой человек. Мы выросли вместе, и я хорошо знаю его характер.

Глаза Чунь Лань, чёрные, как тушь, забегали. Юньци снова объяснил:

— В детстве, если он чего-то хотел, то никогда не отбирал силой. Наоборот, он понимал принцип «отступить на шаг, чтобы продвинуться далеко вперед». К тому же, внешне он кажется мягким и воспитанным, но у него очень упрямый характер. Даже если бы он заставил меня... подчиниться...

Чунь Лань несколько раз кокетливо прохихикала и сказала:

— Для него не будет толку, если он получит твое тело, но не сможет завоевать сердце.

По руке Юньци пробежали мурашки, и даже онемела кожа головы. Он сказал:

— Верно, всё так, как ты и сказала. Давай договоримся, что не будем поднимать эту тему? Юньвэнь ведь тоже умный человек.

Чунь Лань насмешливо бросила:

— Почему бы тебе не поддаться ему? Так мы тоже вместе с тобой получим повышение, вознесемся на небо, как петухи и собаки*. Хотя Терем Танцующего Тумана работает в Интяньфу уже несколько десятков лет, но дело никак не развилось. Все говорят, что полезно иметь связи при дворе. В следующий раз замолви за нас словечко перед императором, ладно? Мама* изначально планировала перенести Терем Танцующего Тумана в Пекин...

* Досл. «[если человек обрел дао, его] петухи и собаки возносятся на небо (□□□□) — обр. родственники и друзья получившего высокий пост тоже получают должность.

* Здесь «□□» [māma] употреблено в значении содержательницы публичного дома.

Юньци чуть не выплюнул вино. Чунь Лань продолжала без умолку строить бесконечные планы, рассказывая ему о своей заветной мечте — стать главой северного филиала Дома Танцующего Тумана в Пекине.

Юньци перебил её:

— Через несколько дней наступит Цинмин*. Мне нужно будет сопровождать императора, когда он поднимется в горы сжигать жертвенные деньги. Моя мать не была похоронена на родовом кладбище, поэтому ее могила тоже на горе Цзыцзинь. Раз так, сможешь в этом году снова подмести её вместо нас с сестрой?

* Цинмин (□□) — традиционный китайский праздник поминовения усопших, отмечается на 104-й день после зимнего солнцестояния или 15-й день после весеннего равноденствия.

Чунь Лань, всё ещё погружённая в бесконечные грёзы, ответила:

— А, могила тётушки Вэнь.

Юньци снова предложил:

— Хочешь, приставлю к тебе своих двух племянников?

Чунь Лань ответила:

— Ладно, не буду утруждать сыновей князя. Возьму завтра корзину и сама поднимусь в горы. Ты же её сын, почему бы тебе по дороге тоже не сжечь немного ритуальных денег?

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, ответил:

— Как я могу отвести императора на могилу к своей матери? К тому же, каждый год в Цинмин выходит целая процессия, мы только потревожим её покой.

Чунь Лань не удержалась и произнесла:

— Всё же следует перенести её могилу обратно на родину твоего отца.

Юньци с горечью вздохнул:

— Разве я этого не хочу? Старшая сестра каждый год ссорилась со вторым братом из-за того, что он не позволил похоронить нашу мать в родовой усыпальнице. Только в последние годы они немного утихомирилась.

Чунь Лань со вздохом произнесла:

— У всех женщин этого заведения горькая судьба, и тётушка Вэнь не исключение... — Затем она сердито гаркнула на неоперившуюся проститутку во дворе: — Что ты играешь, «Цветы прекрасны и луна полна»?! Разве не видишь, что мы здесь скорбим?

Ту юную проститутку, что только училась играть на цине, выгнали, и перед инструментом села Чунь Лань. Перебирая пальцами струны, она вполголоса запела:

— И я принуждала актеров славе

Моей поклоняться всечасно.

В сердцах таили красавицы зависть,

У видеv наряд мой прекрасный*.

* Строки из стихотворения «Лютня» (柳娘) Бо Цзюйи, написанного в 816 году. Стихотворение вдохновлено случайной встречей Бо Цзюйи с проституткой, которая сыграла ему на пипе и поведала о своей судьбе. Стихотворение он подарил ей. Перевод Шуцкогo Ю.К.

Уголок рта Юньци дёрнулся, и он пробормотал:

— Это что же, бабушка Ван продаёт тыкву, сама продаёт и сама нахваливает*?

* Бабушка Ван продаёт тыкву, сама продаёт и сама нахваливает (□□□□□□□□) — обр. хвастаться.

Чунь Лань прочистила свой голос иволги и, не обращая внимание ни на кого вокруг, запела. Закончив исполнение, она нежно протянула:

— Если я поеду в Пекин, то с моим мастерством игры на музыкальных инструментах, фигурой и красотой, я непременно стану знаменитой...

— Сюй Юньци!

Сидящего за столом человека и след простыл — командир Цзиньивэй уже улизнул.

Чунь Лань, оперев руки в бока, со звонким визгом бросилась за ним:

— Сукин сын! Проклятый телохранитель! Ты не заплатил за выпивку!

Начиная с того дня Чжу Юньвэнь стал угасать и чахнуть. Все его приближённые сановники, кроме Хуан Цзычэна, догадывались, в чём дело, и по негласному соглашению хранили молчание.

Хуан Цзычэн был исключением. «Падение проклятого телохранителя не за горами, наконец-то наступила весна этого Великого воспитателя». Хуан Цзычэн воспользовался этой возможностью, чтобы проявить к нему заботу и согреть вниманием, однако искусство скрывать истинные чувства никогда не было его сильной стороной. На его лице отчётливо читалось злорадство, и даже когда он утешал, то тайно ликовал в душе.

Так Великий воспитатель получил от императора чернильный камень прямо в лицо, и мир наконец пришел в состояние покоя.

Когда драконий лик Чжу Юньвэня охватила ярость, Юньци стоял рядом с императорским столом.

Во время того разговора Юньци кое о чём умолчал. Он был уверен, что на смену неразделённой любви Чжу Юньвэня не придет ненависть, и это предположение было основано не только на его понимании его характера. Была и иная причина: недостижимое всегда кажется самым желанным.

Чжу Юньвэнь не мог заполучить Юньци, и это вызывало у него подсознательное чувство беспомощности. Поэтому он не стал бы усложнять жизнь его племянникам и лишь спускал бы свой гнев на других.

Выместив злобу, Чжу Юньвэнь поправил одежду, совершенно игнорируя Хуан Цзычэна, с головы до ног покрытого чернилами, и спокойно произнес:

— Теперь выезжаем.

Юньци тихо вздохнул и последовал за Сыном Неба. Чжу Юньвэнь поднялся в золочёную императорскую карету. Юньци на мгновение заколебался, но затем тоже вошёл внутрь.

В день праздника Цинмин процессия величественно двинулась за городские стены к горе Цзыцинью. Чжу Юаньчжан ещё не был перезахоронен в Фэнъяне и временно покоился в императорской усыпальнице на горе Цзыцинью. Теперь Чжу Юньвэнь стал настоящим главой хозяйства. Он повёл всех членов императорского клана из Нанкина в горы, чтобы сжечь жертвенные деньги и совершать подношения у могил предков.

Чжу Юньвэнь холодно спросил:

— Разве сановник Сюй не должен сопровождать карету верхом?

Юньци немного подумал и ответил:

— Я не видел тебя несколько дней. Поговори со мной немного. Снаружи за всем присмотрит Жун Цин.

Чжу Юньвэнь насмешливо бросил:

— Ты и вправду слишком распустился.

Юньци взглянул на Чжу Юньвэня, улыбнулся и промолвил:

— Ваш невежественный слуга так смел лишь потому, что полагается на милость Вашего Величества, иначе с чего бы мне так распускаться?

Чжу Юньвэнь ненадолго замолчал, а Юньци, не церемонясь, сел рядом с ним.

Набравшись смелости, Чжу Юньвэнь спросил:

— Кто тот человек... который тебе нравится?

Юньци промолчал, а затем ответил лишь легкой улыбкой.

Полностью угасшая ранее надежда Чжу Юньвэня по непонятной причине вновь разгорелась. Маленький император вздохнул и прислонился к Юньци. Положив голову ему на плечо, он сказал:

— Только не избегай меня, ладно?

Юньци, немного поколебавшись, ответил:

— Ваше Величество, только... не переходите границы. Ваш слуга изначально не смеет вас избегать.

Чжу Юньвэнь пробормотал:

— Не смеешь меня избегать?

Юньци сказал:

— А чего тут избегать? Разве Юнь-гэ-эр в детстве не обнимал тебя постоянно вот так, внук императора?

Хотя Юньци говорил это, в душе он думал о Тоба Фэне, находившемся за тысячу ли от него. Чжу Юньвэнь вдруг просиял и сказал:

— Верно.

Затем он положил голову на колени Юньци.

События развивались именно так, как предполагал Юньци. Настроение Чжу Юньвэня значительно улучшилось, и он стал предаваться воспоминаниям о прошлом. Карета покачивалась и слегка накренялась. Видимо, они поднимались в гору. Вскоре она остановилась.

Хуянь Кэ откинул занавеску кареты и заглянул внутрь, но одного мимолётного взгляда хватило, чтобы вызвать у него глубочайшее потрясение.

— Приехали? — спросил Юньци.

Чжу Юньвэнь, не открывая глаз, недовольно пробормотал:

— Уже так быстро приехали?

Юньци со смехом сказал:

— Тогда проедем ещё немного.

Хуань Кэ чувствовал себя крайне неловко. Он не знал, как ответить, и мог лишь почтительно сказать:

— Ваш слуга... заслуживает десяти тысяч смертей, мы прибыли.

Императорский экипаж уже достиг вершины горы. Юньци, держа Чжу Юньвэня за руку, помог ему выйти, и когда он хотел его отпустить, юноша крепко сжал её.

— Ваше Величество, все чиновники смотрят, — тихо сказал Юньци.

Чжу Юньвэнь, за неимением иного выбора, отпустил руку и произнес:

— Все, следуйте за мной.

В день праздника Цинмин с пасмурного неба заморосил дождь, омывая свежие деревья вдоль горной тропы до цвета изумрудной зелени.

Ступени, поросшие мхом, были скользкими от влаги. Люди, подобрав полы одеяний, шли крайне осторожно. Все они выглядели глубоко убитыми скорбью, однако в душе каждый думал о чём-то своем. Неизвестно, поминали ли они о Чжу Юаньчжане или же о жизнях, оборвавшихся в годы правления Хунъю по его воле.

Императорская усыпальница была построена очень высоко. Юньци и Хуань Кэ первыми прокладывали путь, а за ними следовали сановники. Покинув повозки, они медленно шли пешком к гробнице. На горе выстроилась процессия длиной в пол-ли, издали выглядывшая весьма впечатляюще.

Хуань Кэ не переставал разглядывать Юньци, но тот был сердцем не здесь и смотрел в сторону подножия горы, где в долине находилась могила его родной матери.

У склона горы Цзыцзинь одинокая фигура с бамбуковой корзиной в руках направлялась к тому месту. В пришедшем почтить память Юньци узнал Чунь Лань.

С бесстрастным лицом он подумал: «После смерти императоры и проститутки хоронятся на одной горе; и те, и другие даже покоятся на одном и том же клочке земли».

Хуань Кэ усмехнулся и спросил:

— Кто похоронен у подножия горы?

Юньци спокойно ответил:

— Моя мать Вэнь Юэхуа, известная А-гу Дома Танцующего Тумана.

Хуань Кэ как раз собирался подобрать колкие слова, чтобы высмеять Юньци, но Чжу Юньвэнь улыбнулся и предложил:

— После того, как почтим память дедушки, зайдём по дороге на могилу к твоей матери?

Фан Сяожу изменился в лице и воскликнул:

— Ни в коем случае! Ваше Величество, вы — Владыка Девяти и Пяти*, как можете вы совершать подношения... женщине, падшей в ветер и пыль*?!

* В Китае нечетные числа считаются счастливыми. Нечетные числа соответствуют ян ☰, а четные — инь ☷. Девятка — это высшее число ян, а пятерка — среднее и самое благоприятное, поэтому «девять» и «пять» символизируют императорскую власть.

* Обр. о проститутке(□□□□).

Юньци улыбнулся и ответил:

— Именно. Если ей поклонится император, возможно, душа моей матери на том свете даже не сможет упокоиться с миром.

От такого рода шутки Юньци все сановники глубоко повздохали. Похоже, трещина между невежественным правителем и порочным сановником исчезла. Злодеем был, злодеем и остался, вот он кто!

Юньци уже собирался что-то сказать, как в процессии поднялся шум. Чжу Гаосюй и Саньбао со смехом догоняли их.

— Гаосюй! — поспешно окликнул Юньци. — На ступенях скользко, не бегай! Смотри, а то упадёшь!

Чжу Юньвэнь, улыбаясь, протянул руку, чтобы его поддержать. Саньбао, держа в ладони сплетённого из травы кузнечика, с лёгкостью ласточки прыгал со ступени на ступень,

проносясь перед всеми. Чжу Гаосюй же, неизвестно почему, был невероятно воодушевлен и без остановки бежал за ним.

Юньци сердито сказал:

— А где Гаочи? Почему он не присматривает за своим младшим братом?

Чжу Юньвэнь мягко улыбнулся:

— У Гаочи проблемы с ногами, он не поднимался на гору... Гаосюй, иди сюда, к своему брату.

Гаосюй громко рассмеялся:

— Нет! Дядюшка, помоги мне поймать его!

Саньбао намеренно немного замедлил бег, поджидая, пока Гаосюй его догонит. Чжу Гаосюй был ещё ребёнком. Он пробежал несколько шагов, чуть не поскользнулся на ступенях и, протянув руку, ухватился за пояс Ма Саньбао, из-за чего тот тоже чуть не упал.

— Ладно! Хватит дурачиться! — крикнул Юньци. — Возвращайтесь в строй...

В одно мгновение лицо Чжу Юньвэня исказилось, и он протянул руку, чтобы поймать падающий с неба предмет.

— Император! — в один голос воскликнули Хуянь Кэ и Сюй Юньци.

Спина Юньци внезапно покрылась ледяным холодом. Когда Саньбао и Чжу Гаосюй толкались, из-за пазухи первого выпало круглое кольцо, отражавшее солнечный свет.

Перстень из черепашьего панциря проскользнул сквозь пальцы Чжу Юньвэня, упал на землю и с лёгким звоном ударился о каменную плиту. Подпрыгнув, он покатился вниз по ступеням.

Чжу Юньвэнь отдернул руку и застыл на месте, ошеломлённый.

Юньци в панике спрыгнул с горной тропы, ступил на мокрую траву и заскользил по склону вниз.

— Император? — осторожно переспросил Хуянь Кэ.

Чжу Юньвэнь устремил взгляд на Саньбао. Тот стоял в растерянности, затем что-то осознал и

отвёл Чжу Гаосюя за спину.

Чжу Юньвэнь глубоко вдохнул и закричал:

— Схватите этого ребенка!

Тем временем Чжу Ди завершил все приготовления и был готов начать мятеж.

Но перед восстанием важнее всего было вернуть двух сыновей, которые стали заложниками. Иначе, если он взойдет на императорский трон без наследного принца, то дела его будут весьма скверны.

Чжу Ди ни капли не волновался. Этот ход был заготовлен ещё тогда, когда Юньци приезжал навестить родных. И вот теперь непревзойдённому мастеру боевых искусств Тоба Фэну было дано задание от Чжу Ди. Он получил военный приказ, взял с собой несколько запасных лошадей и должен был отправиться обратно в Нанкин, планируя при содействии Ма Саньбао забрать братьев Чжу Гаочи и Чжу Гаосюя.

Тоба Фэн прекрасно знал план императорского дворца и был мастером разведки и тайных убийств, что делало его без сомнения самым подходящим кандидатом.

У длинного павильона на десять ли* простиралась пышная трава. Лёд и снег только начали таять. Сюй Вэнь и Чжу Ди провожали Тоба Фэна за городские стены Пекина.

* Отсылка к эпохам династий Цинь и Хань, когда через каждые десять ли строили беседку. Родственники и друзья часто провожали друг друга в таких местах перед дальней дорогой.

Тоба Фэн похлопал лошадь по голове и положил ей на спину свёрток. Единственным оружием у него был тупой клинок «Семь звёзд», который подарил ему Чжан Саньфэн.

— А ты точно уверен, что не возьмёшь какой-нибудь отравленный кинжал или что-то в этом роде... всё точно получится? — с беспокойством спросила Сюй Вэнь.

Выражение лица Тоба Фэна оставалось неизменным. Затягивая седло, он ответил:

— Когда меч — в сердце, в мире нет ничего невозможного. Я больше не буду использовать острый клинок и убивать.

Сюй Вэнь вздохнула и сказала:

— Иногда убивать просто необходимо...

Чжу Ди произнес:

— Ладно, ладно. Тебе, женщине, не понять. Ты должна верить в способности Фэн-эра.

Тоба Фэн равнодушно сказал:

— Я поехал.

— Хорошо, ступай, — ответил Чжу Ди.

Сюй Вэнь, с покрасневшими глазами, чистым голосом проговорила:

— Ты обязательно должен вернуть своих младших братьев, Фэн-эр.

Тоба Фэн вскочил на лошадь и спокойно ответил:

— Верну, теперь я правда поехал.

Чжу Ди нетерпеливо махнул рукой:

— Ступай, ступай.

Сюй Вэнь хотела что-то добавить, но не стала. Тоба Фэн на мгновение заколебался, зная, о чем она собиралась сказать.

— И ещё Юньци... — начала Сюй Вэнь.

Чжу Ди недовольно воскликнул:

— Разве я уже не говорил?! В императорском дворце Юньци в большей безопасности, чем в Пекине. Если хочешь, чтобы с ним всё было хорошо, не проси Фэн-эра забирать его.

Сюй Вэнь, сдавленно всхлипывая, пробормотала:

— Как я могу не волноваться... Вдруг император захочет его наказать...

Чжу Ди сказал:

— Не захочет, не захочет! Фэн-эр, уезжай скорее, не обращай на неё внимания.

Тоба Фэн кивнул:

— А, тогда я точно поехал.

Чжу Ди рявкнул:

— Катись отсюда!

Тоба Фэн взмахнул поводьями и скомандовал:

— Но!

Три быстроногих скакуна, способные преодолеть тысячу ли, подняли головы и заржали, взметнув копыта. В пронизывающем весеннем холоде они понеслись на юг, в сторону Нанкина. На холодном ветру уголки губ Тоба Фэна приподнялись в лёгкой улыбке.

Тюркский мечник подстегнул коня и помчался стремглав из Пекина, положив начало грандиозной битве за престол эпохи Цзяньвэнь, известной как «Война ради преодоления трудностей».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326086>